

Porter, Robert

Гоголь будет жить, Гоголь жив, Гоголь жил, или наоборот, или об оборотнях на льду в стране чудес, или...

In: N. V. Gogol: *Bytí díla v prostoru a čase : (studie o živém dědictví)*. Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp. 331-338

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132743>

Access Date: 07. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ГОГОЛЬ БУДЕТ ЖИТЬ, ГОГОЛЬ ЖИВ, ГОГОЛЬ ЖИЛ, ИЛИ НАОБОРОТ,
ИЛИ ОБ ОБОРОТНЯХ НА ЛЬДУ В СТРАНЕ ЧУДЕС, ИЛИ...

ГОГОЛЬ БУДЕТ ЖИТЬ, ГОГОЛЬ ЖИВ, ГОГОЛЬ ЖИЛ, ИЛИ НАОБОРОТ, ИЛИ ОБ ОБОРОТНЯХ НА ЛЬДУ В СТРАНЕ ЧУДЕС, ИЛИ...

ROBERT PORTER (GLASGOW)

Новые произведения Виктора Пелевина, Владимира Сорокина и Марии Галиной доказывают, что традиция фантастики в русской литературе не просто процветает, но, оказывается, может быть, самым сильным явлением в современной словесности. Эта сегодняшняя фантастика – не только наследство Гоголя, но, как и в эпоху Гоголя, результат специфической общественной и исторической обстановки. Так как было нелепо считать Гоголя только чем социальным критиком, каким считали его в советский период, было бы абсурдно причислить его к категории тех писателей, которые все во власти чародеев, ведьм и демонов, ничего не считая кроме популярности и моментального успеха. Царствует Гарри Поттер на всём божьем свете и не отстают герои и героини Сергея Лукьяненко, но да здравствует Гоголь и его верные наследники! Данный доклад обсуждает романы *Священная книга оборотня*, *Лёд* и *Гиви и Шендерович*. Первые два смешивают чёрный юмор с насилием, сексом и гангстерством, а последний – в духе не только Гоголя, но и Ильфа и Петрова – предлагает читателю плута-героя и фантастическое путешествие. Все нелепости у этих авторов понятны студентам России и русской культуры. А куда движется русская литература? Как сказал Остап Бендер, заседание продолжается...

Ключевые слова: Фантастика, Модернизм, Реализм, Абсурдность, Структура романа, Мистификация, Авантюрно-плутовской роман

New works by Viktor Pelevin, Vladimir Sorokin and Mariia Galina demonstrate that the tradition of the fantastic in Russian literature is not simply flourishing but appears to be the strongest element in contemporary literature. The present-day fantastic is not merely the legacy of Gogol but, as in the age of Gogol, may well be the result of the specific social and historical context. As it was absurd to consider Gogol as merely a social critic as was the case in the Soviet era, so it would be absurd to put him in the same category as those writers today who are utterly in thrall to wizards, witches and demons and are

concerned with nothing but popularity and ephemeral success. Harry Potter reigns all over God's earth and Sergei Lukiianenko's heroes and heroines are not far behind, but long live Gogol and his real heirs! The present paper discusses the novels *The Sacred Book of the Werewolf*, *Ice*, and *Givi and Shenderovich* (English title: *Iramifications*). The first two texts mix black humour with violence, sex and gangsterism, while the third – not only in the spirit of Gogol but Il'f and Petrov too - offers the reader a *picaro* (a loveable rogue) and a fantastic journey. The absurdities that we find in these writers will be readily understood by students of Russia and Russian culture. And where is Russian literature heading? As Ostap Bender said: The meeting is still in session...

Keywords: Fantastic, Modernism, Realism, Absurd, Structure of the Novel, Mystification, Picaresque Novel

Нил Корнвелл во своей книге *The Literary Fantastic* (1990) пишет:

Martin Amis has reminded us of a theme long established in science fiction, but remarkably little treated, he estimates, in the mainstream of fiction, in his assertion that 'nuclear weapons could bring about the Book of Revelation in a matter of hours'. This sentence by Amis compellingly entwines historical absurd with literary fantastic, in both cases *par excellence*. Here we go then, from „monster to metaphor” again, by way of phallic symbol [...]

At what Foucault terms society's present „threshold of modernity”, when 'the life of the species is wagered on its own political strategies', in the age of Aids and at a moment when the planet appears poised for ecological disaster – for as long, indeed, as the 'Frankenstein syndrome' of man-induced doomsday remains high on the agenda of probability – the continued need for monstrous revelations from the literary fantastic is disturbingly guaranteed.

(Мартин Эмис напомнил нам о теме, давно известной в научной фантастике, но очень мало используемой, как он считает, в художественной литературе. Он утверждает, что «ядерное оружие могло бы привести к концу света – в Книге откровений Иоанна Богослова – в считанные часы». Это высказывание Эмиса соединяет историческое абсурдное с литературной фантастикой, в обоих случаях мы видим самый лучший пример. В этом случае мы идём от «чудовища к метафоре» с использованием фаллического символа. [...])

То, что Фуко называет современным «порогом модернизма», когда «жизнь биологических видов зависит от собственных политических стратегий» в век СПИДа и в момент, когда планета находится на грани экологической катастрофы – пока «синдром Франкенштейна», т.е. возможность раз-

ГОГОЛЬ БУДЕТ ЖИТЬ, ГОГОЛЬ ЖИВ, ГОГОЛЬ ЖИЛ, ИЛИ НАОБОРОТ,
ИЛИ ОБ ОБОРОТНЯХ НА ЛЬДУ В СТРАНЕ ЧУДЕС, ИЛИ...

рушения природы и света вообще – вызванный человеком – остаётся на повестке дня – продолжающаяся потребность ужасных откровений у литературной фантастики гарантируется.)¹

Ричард Пис во своей книге *The Enigma of Gogol* (1981), в заключительной главе с названием „Art as a reconciliation with life” утверждает:

The neurotic personality is one of the central themes of Russian nineteenth-century literature: Rudin , Oblomov, the underground man, Levin [...] are all characters who in some sense are psychologically inadequate or whose inner life, at the very least, is at variance with life around them.

England in the nineteenth century was by and large a stable society, self-confident, sure of the rightness of things. [...] By contrast, Russia in the nineteenth century was caught between the old rigid values of a medieval consciousness and a newly awakened awareness of the individual. It was a divided society: on the one hand were the illiterate masses of its vast countryside; on the other the highly civilised élite of its capital cities. It was a sprawling empire searching for an identity between East and West. The soul-searching, the neurosis, both private and national, the theme of alienation itself were scarcely understood by contemporary readers in Western Europe. It took the twentieth century to discover the 'modern' literature that had been produced in Russia a century before.

(Невротическая личность – одна из главных тем русской литературы 19-ого века: Рудин, Обломов, Человек из Подполья, Левин [...] это всё персонажи, которые в каком-то смысле психологически неадекватны или чья внутренняя жизнь, по меньшей мере, находится в конфликте с жизнью вокруг них.

Англия в 19-ом веке была в целом стабильным обществом, уверенным в себе, уверенным в правильности жизни. Россия в 19-ом веке, напротив, соединяла старые, застывшие ценности средневекового сознания и вновь проснувшееся сознание индивидуума. Это было разделённое общество: с одной стороны, были неграмотные массы людей огромной страны; с другой – высоко цивилизованная элита столиц. Это была широко раскинувшаяся империя в поисках своей сущности (идентификации) между Востоком и Западом. Поиски смысла жизни, невроз, личный и национальный, тема отчуждения – с трудом понимались современными читателями в западной Европе. Понадобился 20-ый век, чтобы открыть «современную» литературу, которая была написана в России столетием раньше.)²

¹ CORNWELL, N.: *The Literary Fantastic*, 1990. Hemel Hemstead, s. 218.

² PEACE, R.: *The Enigma of Gogol: An Examination of the Writings of N. V. Gogol and Their Place in The Russian Literary Tradition*. Cambridge 1981, s. 298.

Оба критика демонстрируют, таким образом, связь между фантастикой и реальностью. Подтекст их замечаний отличает творчество литературной фантастики от простого бегства от реальности – эскапизма – и от забавного развлечения, которые нам предлагают популярные книжки, фильмы и компьютерные игры. Косвенным образом они отвергают бескомпромиссное утверждение Набокова, что „if you expect to find out something about Russia [...] if you are interested in „ideas“ and „facts“ and „messages“ keep away from Gogol [...] His work is a phenomenon of language and not one of ideas“. (Если вы ожидаете узнать что-нибудь о России [...], если вы интересуетесь «идеями» и «фактами» и «идейным содержанием», держитесь подальше от Гоголя [...]) Его работа это явление языка, а не «идей»³. И Корнвелл и Пис вторят оценкам некоторых рецензентов, когда роман *Мёртвые души* впервые появился. Юрий Манн цитирует одного немецкого критика:

«[Гоголь] ... пламенный патриот... но эта любовь не ослепляет его, она не мешает ему видеть ошибочное направление воспитания, жалкий упадок правосудия и судопроизводства и вообще все смешные стороны своих сограждан»

И Манн продолжает:

«Гоголь полностью не отвергает правомерность такой интерпретации, однако в перспективе дальнейшего развития содержания она кажется ему недостаточной, а для международной репутации России даже и невыгодной»⁴

И вы все знаете лучше, чем я, по собственному опыту, конкретную, гоголевскую абсурдность жизни при коммунизме. Но вот вам ещё один пример: в 1952-ом году арестовали знаменитого профессора Владимира Зеленина за его якобы участие в «заговоре врачей». Абзац о нём в *Большой Советской Энциклопедии* выбросили и вместо «Зеленина» вставили статейку о «Зелёной лягушке». Кажется, это единственный пример во всей истории мирового высшего образования, где профессор превратился в лягушку. Но ничего, в третьем издании *Энциклопедии* лягушка превратилась обратно в профессора.

В этом докладе я хочу обсудить три текста – *Священная книга оборотня* (Виктор Пелевин)⁵, *Лёд*, (Владимир Сорокин)⁶ и *Гиви и Шендерович*

³ НАВОКОВ, V.: Nikolai Gogol, New York 1961, s. 149-50.

⁴ МАНН, Ю.: В поисках живой души, издание 2-ое, Москва 1987, с 317-8.

⁵ ЭСКМО, Москва 2004. Страницы текста у меня без чисел.

⁶ Ад Маргинем, Москва 2002.

(Мария Галина).⁷ Они все происходят из солидных литературных традиций и, я бы утверждал, относятся прямо к современной действительности, хотя они все имеют сильные свойства литературной фантастики. В тесных рамках этого доклада я сосредоточусь в первом тексте на главной героине; во втором тексте на структуре; и в третьем тексте на фабуле. Было бы вполне возможно взяться за дело иначе и, например, выбрать как тему фабулу первого текста, главного персонажа – второго и структуру – третьего, и т.д.

Священная книга оборотня Виктора Пелевина, как сообщается в тексте, является неумелой литературной подделкой и имеет также название «А Хули». Героиня, А. Хули, – московская проститутка китайского происхождения, но она также лисица-оборотень, возраст – тысячи лет, её гипнотический хвост приводит её клиентов в транс, где все их сексуальные желания удовлетворяются, пока она, немножко скучая при работе, увлекается чтением *Короткой истории времени* Стивена Хокинса. До известной степени она зарабатывает свои деньги физическим трудом, но она по духу интеллигент, философ и мечтатель. Она ведёт длинную переписку со своими сёстрами и обсуждает серьёзные проблемы со своими клиентами. Она прекрасно знает всю мировую историю и литературу. Имея в виду русский жаргон, её имя очень неподходящее, ибо на самом деле она чувствительное и культурное существо, которое вообще не любит матерный язык. Одна её сестра вышла замуж за английского аристократа (Лорд Крикет), но хочет избавиться от него. Реагируя на это, героиня говорит сестре: «Ты не представляешь себе [...] настолько освобождает душу категорический императив Канта». Она тоже утверждает, что любит Россию, а именно русский язык. Лорд Крикет – большой оккультист, который хочет иметь контакт со супер-оборотнем в Москве, в Соборе Христа Спасителя, не зная, что его жена сама – оборотень. Будучи англичанином, он, конечно, не имеет никакого сексуального отношения со своей женой, предпочитая охоту на лис. Любовник нашей героини – офицер в ФСБ, и тоже, оказывается, оборотень. Она идёт на охоту на курицу, а потом он берёт её на тайный военный проект, где оборотни добывают нефть для родины. Как всегда у Пелевина, здесь есть много каламбуров на разных языках, особенно на английском и русском (год = god = бог = swamp и есть дискуссии о том, как слова «liberalo» или «real» имеют совсем другое значение в русском и английском контекстах. В конце романа кажется, что героиня сама, может быть, супер-оборотень. Заключительный абзац книги такой:

⁷ Мосты культуры, Гешарим 2004. Страницы текста у меня без чисел.

Я выеду в самый центр пустого утреннего поля, соберу в сердце всю свою любовь, разгонюсь и взлечу на горку. И как только колеса велосипеда оторвутся от земли, я громко прокричу своё имя и перестану создавать этот мир. Наступит удивительная секунда, не похожая ни на одну другую. Потом этот мир исчезнет. И тогда, наконец, я узнаю, кто я на самом деле.

Раньше она утверждала, что ключ жизни – любовь. Конечно, это банальность, но вполне соответствует абстрактному философствованию, которое характеризует последнюю треть книги. Всё это, разумеется, пародия на наклонности русских к пустому мышлению и недостаток практичности. А что наша героиня? Она изменяет свою личность, своё «я», своё существо, даже свой статус таким же образом, как Акакий Акакиевич или коллежский ассесор Ковалёв. И в конце концов она – скиталец, каким и был Николай Васильевич Гоголь.

Структура романа *Лёд* загадочная. Четыре части: первая часть 150 страниц; вторая 121 страниц; третья 23 страницы; последняя всего 5. Первая часть характеризуется насилием, сексом, наркотиками, при этом представляет собой форум, где подпольная группа разыскивает своё братство элитных, избранных людей. Эти избранные живут на чувствах, на эмоциях, общаются друг с другом интуитивно, знают всего лишь 23 слова и сильно отличаются от нормальных людей, так называемых «мясных машин». Вторая часть – история одной девушки советского периода. Но она – одна из избранных и переживших мучения немецких и советских тюрем. Специальный лёд, вырезанный из места, где упал тунгусский метеорит в 1908-ом году, употребляется в производстве молотков, которыми бьют грудь людей, чтобы узнать принадлежат ли они элитной группе. Элита и лёд распространяются по миру, и в третьей части романа лёд рекламируется и продаётся по коммерческим принципам. В последней, очень короткой части мы видим маленького мальчика. Он один дома и находит лёд, начинает с ним говорить и играть. И так, в течение этого романа мы путешествовали от мира взрослых, преступников и проституции, через мир войны и репрессий, через мир материализма и бизнеса к миру наивности и детства. «Лёд» предлагает нам много загадочных метафор – одна из них, наверно, метафора чистых идеалов, несмотря на грязь людского поведения.

У Гоголя хаос и мистификация всегда появляются в рамках ясной и строгой структуры. То же самое явление находится в романе *Лёд*. В этом отношении, надо иметь в виду, что, когда Гоголь писал свои произведения, общественная структура России была не менее строгая, чем структура произведений Гоголя. Может быть, роман *Лёд* задаёт вопрос, возвращается ли такая же строгость в России Путина и Медведева? И этот заключительный

ГОГОЛЬ БУДЕТ ЖИТЬ, ГОГОЛЬ ЖИВ, ГОГОЛЬ ЖИЛ, ИЛИ НАОБОРОТ,
ИЛИ ОБ ОБОРОТНЯХ НА ЛЬДУ В СТРАНЕ ЧУДЕС, ИЛИ...

образ маленького, невинного, уязвимого, беззащитного мальчика в самом начале своей жизни, может быть, становится символом нового этапа в жизни России...

Роман *Гиви и Шендерович* Марии Галиной находится в традиции авантюрно-плутовского романа типа *Мёртвых душ* или *Двенадцати стульев*. Наши герои уезжают из Одессы в Турцию, чтобы импортировать надувные шарики оттуда за огромные прибыли. Миша Шендерович, вроде Остапа Бендера нашего времени, имеет своё «ноу-хау». Гиви – бухгалтер грузинского происхождения из Петербурга и двойник исчезнувшего партнера Шендеровича. Алла, их подруга, – красивая, умная, самостоятельная девушка, говорящая на иностранных языках и волшебным образом появляющаяся в разных неожиданных ситуациях. Волшебным образом, достойным Воланда или Гарри Поттера, они уезжают из Турции и оказываются в мифологическом городе, или в мифологической стране, Ирам, где встречаются с чародеями, воюющими армиями, и разными другими пёстрыми персонажами. По очереди они являются то победителями, то жертвами. И они часто спрашивают себя, где они? Шендерович говорит с одним Шейхом в пустыне:

«А всё-таки, где мы находимся? Типа, с географической точки зрения? Ибо пребывали мы в Стамбуле, он же Константинопль, он же Византия, он же Цареград, а потом очутились неведомо как, неведомо где...»

«Где? – сурово переспросил Шейх, – в сердце мира. Ибо сердцем мира зовётся то, что существует везде – и нигде. Всегда – и никогда. И то, что происходит здесь, так или иначе происходит во всех мирах, подобно кругам по воде, что распространяются от брошенного камня».

Само собой разумеется, трое друзей, после бесчисленных приключений, возвращаются домой в Одессу, целые и невредимые. С одной стороны, конечно, весь этот роман не больше чем легкомысленное развлечение, шутка. Но, с другой стороны, он относится к традиционным большим дилеммам России. Где она – на западе или на востоке? Что победит в русской душе – духовность или материализм? Какой персонаж сильнее – реалист (Гиви) или мечтатель (Шендерович)? И кончится когда-нибудь борьба между творцами и разрушителями? В приложении к английскому переводу романа⁸ Мария Галина сообщает читателю, что суть её произведения в вечной конфронтации между двумя королями – Соломон (творец) и Александр (разрушитель).

Во всех этих современных текстах мы видим Гоголя, мы видим его в вопросах о человеческой личности, о социальном и персональном, психологическом статусе человека, в художественной и общественной струк-

⁸ GALINA, M.: *Iramifications*, translated by Amanda Love Darragh, Glas Publishers 2008.

N. V. GOGOL: BYTÍ DÍLA V PROSTORU A ČASE
(STUDIE O ŽIVÉM DĚDICTVÍ)

турах и в событиях, в фабуле, когда писатель достигает чего-то за пределами быта и банальности. И вот почему я выбрал шутливое название для этого доклада – через новую генерацию писателей Гоголь даёт нам мир возможностей без конца.